

Аятолла Хаменеи: Высший руководитель

В своих публичных выступлениях Хаменеи предстает как решительный лидер, обладающий стройной и последовательной — хотя и весьма циничной — системой взглядов | **КАРИМ САДЖАДПУР**

Наверное, в мире нет другого человека, который оказывал бы такое большое влияние на современную политику и в то же время был бы столь непонятен и малоизвестен, как аятолла Али Хаменеи, Высший руководитель Ирана. Он не диктатор, но и не демократ, в нем сочетается и то и другое. В современном Иране, стране с авторитарным режимом и раздробленной политической элитой, Хаменеи — самый могущественный политик. Сам он в одиночку не принимает серьезных решений, но ни одно важное решение не принимается без его одобрения. При этом он управляет страной путем достижения консенсуса, а не издания декретов. Его основными приоритетами являются сохранение теократической системы и собственной политической власти.

Али Хаменеи активно участвует в общественно-политической жизни уже три десятилетия, и тем не менее те, кто знают иранскую политику изнутри, предлагают разные версии того, что же он собой представляет. Он не столь популярен, как «отец иранской революции» 1979 года, его наставник аятолла Рухолла Хомейни, и у него нет такой харизмы и глубины теологических знаний. Поэтому некоторые обозреватели считают

его слабым и нерешительным человеком, оказавшимся на высокой должности. Другие полагают, что он опасный деспот, который управляет страной, постоянно вмешиваясь в мельчайшие детали. Третьи указывают на слабое здоровье Хаменеи и говорят, что он в первую очередь духовное лицо, что он оторван от реальности и служит марионеткой в руках небольшой группы советников и приближенных лиц, которые ограничивают его контакты.

Люди, знавшие Хаменеи до того, как он занял должность Высшего руководителя, утверждают, что он относится к «умеренным», но вынужден играть роль жесткого политика, чтобы сдерживать радикально настроенных клерикалов. В подтверждение своей позиции они упоминают о том, что в свое время Хаменеи увлекался поэзией и музыкой и носил на руке часы, что среди духовных лиц ортодоксального толка считалось авангардизмом. Другие знающие его люди не ищут «двойное дно», предпочитая исходить из того, что Хаменеи говорит и делает; они считают его глубоко религиозным, идеологически жестким, антиамерикански настроенным представителем духовенства, проводящим политику, характерную для антиимпериалистической эйфории революции 1979 года.

Конституционные полномочия у Высшего руководителя сильно превосходят прези-

СОКРАЩЕННЫЙ ПЕРЕВОД РАБОТЫ КАРИМА САДЖАДПУРА (KARIM SADJADPOUR) "READING KHAMENEI: THE WORLD VIEW OF IRAN'S MOST POWERFUL LEADER" © 2008, CARNEGIE ENDOWMENT FOR INTERNATIONAL PEACE. ПУБЛИКУЕТСЯ С ЛЮБЕЗНОГО РАЗРЕШЕНИЯ ФОНДА КАРНЕГИ ЗА МЕЖДУНАРОДНЫЙ МИР

дентские. Однако — случайно или умышленно — за пределами Ирана Хаменеи всегда остается в тени иранского президента. Когда президентом Ирана был хитрый Рафсанджани (1989–1997), зарубежные средства массовой информации и правительства других стран считали именно его, а не Хаменеи самым влиятельным официальным лицом Ирана. Реформатор Мохаммад Хатами (1997–2005) обошел Хаменеи слева, призвав к «диалогу цивилизаций», а бывший мэр Тегерана Махмуд Ахмадинежад (нынешний президент Ирана, вступивший в эту долж-

стей, переживаемых США в Ираке, Ливане и Палестине, дают Исламской Республике Иран беспрецедентную возможность противостоять США, что прибавляет уверенности Хаменеи и другим сторонникам жесткого курса. Наряду с этим усилия администрации Буша по продвижению демократии и угроза применения силы против Ирана, которая кажется более реальной на фоне присутствия десятков тысяч американских солдат в соседних странах, обеспечивают тегеранским сторонникам жесткого курса предлог для подавления несогласных и свертывания полити-

“Хаменеи не стремится быть в центре внимания, не жаждет известности. Такая позиция помогает ему удерживать власть”.

ность в 2005 году), произнося резкие обличительные речи в адрес Израиля и поставив под сомнение Холокост, потеснил Хаменеи с правого фланга. Поиск в *Google* показывает, что Ахмадинежад упоминается примерно в десять раз чаще, чем Хаменеи.

Хаменеи не стремится быть в центре внимания, не жаждет известности. Такая позиция помогает ему удерживать власть и является важной причиной его политической мощи. Когда в 1989 году он сменил Хомейни на должности Высшего руководителя, на него не возлагали особых надежд. А после неожиданной победы на президентских выборах 1997-го энергичного Хатами, который породил надежды на начало либерализации Ирана, политическое будущее жестковатого Хаменеи вообще казалось неясным. Но сегодня, в силу целого ряда причин, как внутренних, так и внешних, Хаменеи приобрел громадное влияние, большее, чем когда-либо раньше.

Если говорить о международных отношениях, то стремительный рост цен на нефть и умелое использование Ираном трудно-

ческих и социальных свобод, завоеванных в период правления Хатами.

Усилению влияния Хаменеи внутри страны способствовало несколько факторов, а именно: (1) на должности в государственных управленческих структурах было назначено множество преданных Хаменеи людей, что способствует дальнейшему укреплению его власти; (2) слабый парламент, контролируемый консерваторами, председателем которого является лояльный Хаменеи Голам Али Ходдад Адель (его дочь замужем за сыном руководителя); (3) стремительно растущее политическое и экономическое влияние Корпуса стражей исламской революции; Хаменеи лично осуществляет назначения на руководящие посты Корпуса стражей, а назначенцы неизменно демонстрируют свое почтение к руководителю; (4) разочарование молодого поколения иранцев в политике, обусловленное тем, что правительство реформаторов не выполнило свои обещания; (5) и наконец, самый главный фактор — убедительная победа сторонника жесткого курса Ахмадинежада во втором туре президентских

выборов над Хахеми Рафсанджани, главным соперником Хаменеи.

Специалисты по Ирану и обозреватели, получающие информацию из первых рук, анализируя революцию 1979 года, часто отмечают, что аскетический исламский курс, по которому пошла иранская революция, никого не удивил. В своих трудах и лекциях Хомейни вполне ясно изложил то, как ему видится исламское правление. Проблема в том, что мало кто взял на себя труд их прочитать.

После смерти Хомейни эксперты по Ирану, пытаясь спрогнозировать будущее страны, стали изучать отдельных политиков, политические группы и тенденции. В период 1989–1997 годов из политиков наибольшее внимание привлекал к себе президент Рафсанджани, из политических групп — исламисты-технократы, а главным сюжетом была реконструкция страны после войны с Ираком. В период 1997–2005 годов из политиков наибольшее внимание привлекал к себе президент-реформатор Мохаммад Хатами, из политических групп — студенческое движение, а главным сюжетом было развитие демократии и гражданского общества. С 2005 года до настоящего времени основное внимание среди политиков уделяется стороннику жесткого курса президенту Ахмадинежаду, среди политических групп — Корпусу стражей исламской революции, а среди сюжетов на первый план вышел возврат к революционному радикализму.

При этом есть один неизменный фактор, который действовал в течение всего этого времени и продолжает действовать сейчас. Этим фактором был и остается Хаменеи. Преобладает именно его видение внутреннего устройства страны (более исламистское, чем республиканское) и его взгляды на внешнюю политику (без конфронтации, но и без примиренчества). Он противостоял желанию Рафсанджани достичь временно-го согласия с Вашингтоном и намерению

Хатами строить более демократическую страну, теперь он сдерживает Ахмадинежада, не допуская прямой конфронтации. Хотя его считают великим мастером политического балансирования, Хаменеи неизменно предпочитает консерваторов реформаторам.

Статьи и речи Хаменеи (как и Хомейни), наверное, точнее всего отражают цели иранской политики, как внутренней, так и внешней, политический курс страны. Они рисуют образ решительного лидера, обладающего удивительно связной и последовательной системой взглядов на мир, но при этом в высшей степени циничной и даже конспирологической. Перед любой аудиторией (будь то иранские студенты или иностранные высокопоставленные лица), при выступлении на любую тему (будь то внешняя политика или сельское хозяйство) Хаменеи не упускает возможности упомянуть о главных ценностях революции 1979 года (справедливость, независимость, самодостаточность), выразить глубокое презрение к Израиллю («сионистское образование») и выразить протест против американских амбиций («глобальное высокомерие»).

Начало пути: скромность и смирение

Хаменеи появился на свет и рос в скромной религиозной семье, что вообще типично для клерикальной и политической элиты Ирана. Он родился в 1939 году в Мешхеде, священном городе на северо-западе Ирана. Хаменеи был вторым ребенком в семье с восемью детьми, его отец, этнический азербайджанец, был духовным лицом. Хаменеи романтизирует свое «бедное, но благочестивое» детство и часто вспоминает, что на обед ему приходилось довольствоваться «хлебом с изюмом». Его образование началось в пятилетнем возрасте в семинарии в Мешхеде, и именно там — с небольшими перерывами для продолжения образования в более престижных шиитских центрах Неджефе и Куме —

прошли годы формирования его личности. Хаменеи говорил, что он был прилежным учеником, но ему пришлось прервать учебу в семинарии в Куме и вернуться в Мешхед, чтобы ухаживать за больным отцом — он использует это как оправдание того, что он не достиг таких высот в религиозном образовании, как его предшественник аятолла Хомейни.

Решающее влияние на становление Хаменеи как политика оказали две личности. Он вспоминает, как в молодости увлекся политикой и вступил на «путь джихада», воодушевленный идеями радикального религиозного деятеля Навваба Сафави, непримиримого противника и шахского правительства, и империалистических стран. Сафави был одним из первых сторонников исламской революции и исламского правительства. Кроме того, Сафави непосредственно или косвенно принимал участие в подготовке убийств нескольких известных интеллектуалов и правительственных чиновников. В 1955 году он был казнен шахским правительством.

Через несколько лет, во время учебы в Куме (тогда ему было чуть больше двадцати лет), Хаменеи попал в обучение к Хомейни, который остался его политическим наставником на всю жизнь. В то время Хомейни не был широко известен в Иране, однако его стоицизм и непримиримое отношение к шаху сделали его популярным среди молодых семинаристов. На Хаменеи он произвел колоссальное впечатление. Когда в 1963 году шах выслал Хомейни в Ирак, Хаменеи был среди нескольких наиболее преданных ему учеников, которые пропагандировали крайние взгляды своего учителя, ратовавшего за исламское правительство.

В это же время Хаменеи тесно сблизился с единомышленниками, революционно настроенными клерикалами (среди них были, в частности, Рафсанджани и влиятельный аятолла Мисбах Язди из правого крыла),

которые, как впоследствии и сам Хаменеи, заняли ключевые посты в Исламской Республике. В 1960—1970 годы тайная полиция шаха (САВАК) шесть раз арестовывала Хаменеи за политическую деятельность, что тоже типично для многих представителей современной политической элиты Ирана. Несколько лет он провел в тюрьме, подвергался пыткам, сидел в одиночной камере, а затем его сослали в отдаленный район Ирана (Систан и Белуджистан), где он оставался вплоть до революции 1979 года. Люди, знающие Хаменеи, считают, что именно в этот период и сформировалась его ненависть к Израилю и Соединенным Штатам, так как пытали его сотрудники САВАК, которые, как полагают многие, проходили обучение в ЦРУ и Моссаде.

Упорное сопротивление Хаменеи шахскому режиму и его многолетняя верность Хомейни в конце концов окупились с лихвой. Когда пал режим шаха Пехлеви и идеи аятоллы Хомейни одержали в Иране полную победу, аятолла пригласил Хаменеи на работу в новое революционное правительство, где он занимал различные ответственные должности. Так, в 1980 году Хаменеи некоторое время был министром обороны, а затем, после начала ирано-иракской войны, руководил Корпусом стражей исламской революции. Благодаря своим прекрасным ораторским способностям Хаменеи получил влиятельную должность руководителя пятничной молитвы в Тегеране.

Очень важным для Хаменеи стал 1981 год. В июне на него было организовано покушение радикальной оппозиционной группировкой «Моджахедин-э Халк» (МКО): на пресс-конференции рядом с ним разорвалась спрятанная в магнитофоне бомба, но он остался жив, хотя и получил серьезные ранения. Он до сих пор страдает от болей, и у него не работает правая рука. Через несколько месяцев МКО нанесла новый удар. Она провела

масштабный теракт: взрывы бомб привели к гибели более ста высокопоставленных иранских чиновников, в том числе и тогдашнего президента Ирана Мохаммада Али Раджаи.

Последовавшая за этим неразбериха оказалась на руку 42-летнему Хаменеи. Вскоре после гибели Раджаи революционная элита предложила ему баллотироваться в президенты. Хотя в то время конституционная власть президента была очень небольшой, Хаменеи отклонил предложение, сославшись на слабое здоровье и нехватку сил для полно-

стражей исламской революции — Мохсен Резаи. Сейчас эти люди находятся в подчинении у Хаменеи и вынуждены, возможно без особой охоты, выполнять его распоряжения, но тогда ничто не предвещало, что Хаменеи станет самым влиятельным официальным лицом страны.

Вознаграждение: должность Высшего руководителя

Чтобы понять стиль руководства Хаменеи, нужно четко представлять, каким образом

“Хаменеи был среди преданных учеников Хомейни, которые пропагандировали взгляды своего учителя, ратовавшего за исламское правительство”.

ценного выполнения обязанностей президента. В ответ ему якобы сказали: «Именно поэтому мы и предлагаем тебе занять эту должность»¹. При поддержке Хомейни он с подавляющим перевесом победил в двух президентских кампаниях, на которых у него не было реальных конкурентов. Хаменеи был первым клерикальным президентом Ирана с 1981 года и оставался им до смерти Хомейни в 1989-м.

В своей инаугурационной речи Хаменеи поклялся подавлять «любые уклоны, либерализм и левое движение, находящееся под влиянием американцев», риторически определив общий характер своего будущего президентства. Он согласился быть доверенным лицом Хомейни и пропагандировать взгляды своего учителя как внутри страны, так и во время зарубежных поездок. Кроме того, он играл определенную, хотя и второстепенную роль в формировании внутренней политики и военной стратегии в то время, когда премьер-министром был Мир-Хоссейн Мусави (в 1989 году эта должность была упразднена), председателем парламента — Рафсанджани, а командующим Корпусом

он занял должность Высшего руководителя (*Vali-e Faqih*). Согласно конституции Исламской Республики Иран, руководитель должен быть великим аятоллой (*Ayatollah al-Ozma*). Однако Хомейни поссорился со своим единственным объявленным наследником аятоллой Монтазери. Это поставило революционную элиту в затруднительное положение: необходимо было найти такого кандидата, который одновременно был бы и опытным бюрократом-управленцем, и аятоллой-политиком, разделяющим взгляды Хомейни на исламское государство и пользующимся широким уважением.

В апреле 1989 года, за три месяца до своей кончины, разочаровавшись в тех, кто входил в состав высшего духовенства страны, Хомейни внес изменения в конституцию. Теперь кандидату на должность Высшего руководителя достаточно было хорошо знать исламскую юриспруденцию и иметь «соответствующие политические и управленческие навыки». Хаменеи, который в то время еще не знал, что займет пост руководителя, утверждал, что легитимность Хомейни обусловлена не тем, что он был аятоллой, а его

репутацией мужественного политического лидера и специалиста по исламской юриспруденции². Рафсанджани, который в то время занимал пост спикера парламента, поддержал Хаменеи: к тому моменту, когда человек может достичь статуса великого аятоллы, сказал он, он уже слишком стар и немощен, чтобы управлять страной³.

Широко распространено мнение, что Рафсанджани сыграл важную роль в том, что Хаменеи получил высочайший пост. Он провел большую закулисную работу, добиваясь, чтобы его старый друг и союзник был назначен на должность руководителя (имен-

Хаменеи прекрасно понимал, что у него нет такой поддержки высшего духовенства и той популярности, которая была у Хомейни, а потому, укрепляя свои позиции, поначалу он действовал осторожно и медленно. Он убедил политическую и клерикальную элиту страны, что не намеревается нарушать статус-кво. Однако при этом он проявил дальновидность и сразу стал выстраивать собственную базу поддержки в иранском обществе и подбирать особую группу преданных ему людей, которые служили бы его «глазами и ушами» (в бытность президентом он не предполагал ни тем ни другим).

“Конституционные полномочия Хаменеи как Высшего руководителя почти безграничны. Он контролирует все основные рычаги государственной власти”.

но таким, по словам Рафсанджани, было предсмертное желание Хомейни). Вскоре после кончины Хомейни в июне 1989 года Собрание экспертов (религиозный орган, который согласно конституции назначает и снимает с должности Высшего руководителя) одобрило кандидатуру Хаменеи 60 голоса против 14.

Заслуживает внимания инаугурационная речь Хаменеи как Высшего руководителя. Она почти целиком состоит из восхвалений Хомейни и заверений, что его, Хаменеи, единственной целью является следование «дорогой имама»; он даже сказал, что молил бога, чтобы тот позволил ему умереть раньше учителя. Лишь один раз, говоря о себе, он назвал себя новым руководителем, проявив поразительную скромность: «Я человек со многими недостатками и слабостями, всего лишь скромный семинарист. Однако на мои плечи легла большая ответственность, и все свои способности и всю веру во Всемогущего я направляю на выполнение своих трудных обязанностей»⁴.

Не привлекая лишнего внимания, он начал формировать своего рода институт «религиозных комиссаров», численность которых сейчас составляет, по разным оценкам, несколько тысяч человек. Его люди заняли ключевые должности во всех важных министерствах и других организациях, в том числе в церковных и военных учреждениях. В настоящее время эти люди образуют разветвленную сеть, охватывающую всю страну и имеющую своих людей за границей. Через этих людей Хаменеи осуществляет свою власть, они обладают большим влиянием, чем любые другие правительственные функционеры, потому что они имеют право вмешиваться в любые государственные дела⁵.

После смерти Хомейни Исламская Республика вступила в фазу термидора. Консолидации, институционализации и экспорту революции по-прежнему уделялось много внимания, однако на первый план выдвинулись неотложные проблемы послевоенного восстановления страны и подъема экономики, которая находилась в состоянии

глубокого упадка. Президент Рафсанджани взял на себя руководство соответствующими программами, реализация которых подразумевала и выход Ирана из дипломатической изоляции. Риторика Хаменеи оставалась суровой и революционной, однако в целом он поддерживал усилия Рафсанджани по улучшению отношений Ирана с арабскими соседями и европейскими странами. Но в части отношений с Соединенными Штатами он сохранял жесткую позицию.

Конституционные полномочия Хаменеи как Высшего руководителя почти безграничны. Он контролирует все основные рычаги государственной власти (суды, армию и средства массовой информации), так как именно он назначает руководителей судебной системы, государственного радио и телевидения, регулярных вооруженных сил и элитного Корпуса стражей исламской революции. Кроме того, под его контролем находится второй по значимости институт власти — Совет стражей, состоящий из 12 членов (назначаемых прямо или косвенно самим Хаменеи) и обладающий правом проверять благонадёжность кандидатов на выборах и налагать вето на решения парламента.

Огромная власть Хаменеи во многом объясняется тем, что в его распоряжении (хотя и неявно) находятся громадные экономические ресурсы, которые контролирует государство. Иранская экономика в значительной степени контролируется государством, и мнение Хаменеи о том, куда направить доходы от нефти, имеет больший вес, чем что-либо другое. К сфере его полномочий относится также руководство благотворительными фондами страны (*bonyad*), активы которых измеряются миллиардами долларов. Кроме того, Высший руководитель распоряжается многомиллионными денежными пожертвованиями, предназначенными для религиозных святынь Ирана.

Хаменеи нравится изображать из себя великодушного и бескорыстного старца, стоящего над схваткой и ведущего страну по пути благочестия, но в действительности известно, что Хаменеи остро реагирует на выпады в свой адрес. Одним из немногих сохранившихся в иранской политике табу является критика в адрес руководителя, которая почти неизбежно карается тюремным заключением. Хотя даже его семья не безупречна в этом отношении. Лояльные Хаменеи силы «Басидж» жестоко избили его младшего брата, клерикала-реформиста Хади Хаменеи за то, что тот в проповеди посмел негативно отозваться о слишком широких властных полномочиях Высшего руководителя.

Отношения между Хаменеи и Корпусом стражей исламской революции вызывают некоторые вопросы. Эти отношения носят все более симбиотический характер, и в политическом плане они выгодны Хаменеи, а в экономическом — революционным стражам. Хаменеи является их главнокомандующим, он назначает старших командиров, которые, в свою очередь, публично заявляют о своем уважении к руководителю и имеют все больше выгод от активного участия в процессе принятия решений и экономической деятельности.

Революционные добродетели

В представлении Хаменеи революция 1979 года избавила иранское государство от двух зол — шаха и Соединенных Штатов, а также создала теократическое правление, опирающееся на четыре основных добродетели: справедливость, независимость, самодостаточность и исламское благочестие. Эти идеалы революции сформировались как реакция на политическую ситуацию в период шахского режима 1960–1970 годов, но тем не менее они по-прежнему доминируют в политическом дискурсе Хаменеи, в котором они органично переплетаются друг с другом: ислам олицетворяет справедливость, неза-

висимость требует самодостаточности, иностранные государства враждебно относятся к независимой Исламской Республике Иран.

ИСЛАМ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ В представлении Хаменеи ислам и справедливость — это две стороны одной медали, являющие собой две главные составляющие иранского общества, государства и внешней политики страны. Он говорит, что справедливость — это «основной девиз и благородная цель исламской революции и нашей Исламской Республики» и, как ранее Хомейни, видит в исламе всеобъемлющую социальную и политическую основу общества⁶. Он исходит из того, что в «справедливом» Иране юридические законы и общественные установления опираются на исламские нравы и традиции, а эгалитаристская экономика позволяет свести к минимуму классовое неравенство.

В отличие от бывших президентов Ирана Хатами и Рафсанджани, которые предлагали менее жесткий вариант исламского правления, Хаменеи считает, что исламская идеология — залог силы и стабильности Ирана, а вовсе не слабость, которую нужно по возможности отодвигать на второй план. Победа Ахмадинежада на президентских выборах 2005-го только укрепила Хаменеи в этом мнении, поскольку набожность нового президента и избранная им платформа экономической справедливости позволили ему одержать верх над политиками, призывавшими к политической и социальной либерализации.

Представление Хаменеи о справедливом исламском обществе можно рассматривать как своего рода религиозный социализм. Хаменеи утверждает, что исламское правление в Иране можно считать успешным, потому что ко всем членам общества в Иране относятся одинаково, без какой-либо дискриминации, тогда как в западных странах с либеральными правительствами и странах, находящихся под влиянием Запада, из-за

корыстолюбия и гримас капитализма справедливость для миллионов людей просто недостижима: «Ислам отрицает западную модель экономического развития, которая обеспечивает экономический рост и увеличивает богатство отдельных слоев общества за счет обнищания и снижения жизненного уровня других социальных групп. Цель ислама — экономическое развитие и процветание всех социальных групп на основе социальной справедливости»⁷.

Несмотря на то что Хаменеи поддерживает проведение экономических реформ, в частности приватизацию, основным способом обеспечения экономического развития и социальной справедливости в Иране являются громадные государственные субсидии (более 20 млрд дол. в год) на основные продукты питания и предметы первой необходимости, такие, как бензин и растительное масло. Однако Хаменеи подчеркивает отличие исламской системы обеспечения социальной справедливости в Иране от «безбожного» социализма в СССР и странах Восточной Европы. Он отмечает любые сравнения идеологической апатии в сегодняшнем Иране с обанкротившейся в конце 1980-х годов идеологией стран советского блока. Противопоставляя Иран Советскому Союзу, Хаменеи говорит: «Ислам — это не марксизм. Ни коммунизм, ни марксизм не были истинной верой для основной массы населения Советского Союза, они являлись лишь идеологией Коммунистической партии, которая насчитывала 10–15 миллионов членов, тогда как численность всего населения страны приближалась к 300 миллионам. И даже для членов партии их привилегии были намного важнее идеологии. Ислам — это религия народа, народ любит ислам. Ради этой религии преданные Ирану люди посылали своих любимых детей на фронт и не скорбели, если их дети принимали мученическую смерть, а возносили за это благодарность Всевышнему!»⁸.

Интересно отметить, что Хаменеи говорит о мощи и популярности ислама как о социальном и политическом факторе и в то же время признает, что в современном Иране авторитет духовенства падает. Как-то раз, выступая перед группой кинорежиссеров, он сказал следующее: «Ваше влияние во много раз сильнее, чем влияние священника, проповедника или писателя. Я бы мог сказать, что ваше влияние в десять раз сильнее, но на самом деле этот разрыв еще больше. Поэтому вы понимаете, что существует большая разни-

ной торговли, иностранных инвестиций и открытых рынков добились экономического процветания. Однако Хаменеи по-прежнему настаивает на том, что Иран вполне самодостаточен и потому может обеспечить себе экономическую независимость, а она, в свою очередь, обеспечивает и политическую независимость.

В выступлениях Хаменеи часто звучит тема причинно-следственной связи между научно-техническим прогрессом, самодостаточностью и политической независимостью.

“В представлении Хаменеи ислам и справедливость являются собой две главные составляющие иранского общества, государства и внешней политики страны”.

ца между влиянием хорошо сделанного кинофильма и влиянием речей проповедника!»⁹.

В представлении Хаменеи Исламская Республика является образцовым носителем справедливого правления — при условии, что она проводит «справедливую политику», в том числе противодействует Соединенным Штатам и Израилю, несмотря на сопряженные с этим потенциальные политические и экономические издержки (санкции и изоляция). Однажды Хаменеи заявил, что Иран «предпочтет поражение победе, достигнутой путем несправедливости или насилия»¹⁰.

НЕЗАВИСИМОСТЬ И САМОДОСТАТОЧНОСТЬ С точки зрения Хаменеи, революция 1979 года была в одинаковой мере направлена как на устранение иностранного влияния, так и на становление исламской справедливости, причем последнего невозможно достичь без реализации первого. Сейчас, через три десятилетия, закрытая экономика Ирана испытывает серьезные трудности, тогда как соседние страны, такие, как Турция и Объединенные Арабские Эмираты, благодаря использованию возможностей глобализации, свобод-

стью. Одним из основных минусов шахского режима, по мнению Хаменеи, было то, что шах рассчитывал на Запад, в частности на Соединенные Штаты, в плане привлечения специалистов и технических знаний. По словам Хаменеи, «страны-колонизаторы прекрасно понимают, что для обретения политического и экономического контроля над какой-либо страной нужно создать препятствия ее научно-техническому развитию»¹¹.

Поэтому он утверждает, что американские и европейские санкции против Ирана не только бесполезны и не изменяют курс Ирана, но и конструктивны в том смысле, что заставляют Иран еще больше полагаться на самого себя: «Когда эти страны наложили санкции на Исламскую Республику, покойный имам Хомейни приветствовал такие действия и сказал, что он счастлив. Реакция имама имеет глубокий смысл, так как в результате этих санкций иранский народ сосредоточил усилия на использовании собственных ресурсов и стал более самостоятельным... Сегодня эти страны опять грозят санкциями Исламской Республике. Ситуация не изменилась, санкции не ока-

жут негативного влияния на нашу страну и народ»¹².

Иногда Хаменеи более откровенно говорит о цене, которую платит Иран за свой политический выбор, но при этом утверждает, что независимость Ирана оправдывает эти издержки: «Чтобы обрести независимость и добиться национального суверенитета и уважения, любая нация должна заплатить определенную цену. Нации должны нести эти издержки и прилагать все усилия для достижения вышеуказанных целей. Они должны верить, что их усилия принесут весо-

кандидата в президенты, обладающего этими качествами... Я уверяю вас, что если в президенты выберут энергичного и компетентного кандидата, отдающего себя служению народу, чьими приоритетами являются социальная справедливость, устранение дискриминации и искоренение коррупции из нашего общества, то будут решены многие проблемы, стоящие перед нашей нацией как на внутреннем фронте, так и международном»¹⁴.

До недавнего времени Хаменеи открыто поддерживал Ахмадинежада, несмотря на крайне негативное мировое общественное

“Ахмадинежад почтительно относится к Хаменеи и его политической власти; на фоне Ахмадинежада голос Хаменеи — это умеренный голос разума”.

мые результаты, несмотря на все попытки врагов подорвать их надежды и чаяния»¹³.

ИЗБРАНИЕ АХМАДИНЕЖАДА Когда дело касается отношений между различными политическими группировками в Иране, Хаменеи старается показать, что он занимает нейтральную позицию. Однако внимательное изучение его речей, произнесенных в период, предшествовавший президентским выборам 2005 года, позволяет с уверенностью сказать, что Хаменеи стоял на стороне Ахмадинежада.

В своем пространным обращении за неделю до выборов Хаменеи описал идеального, по его мнению, кандидата в президенты, что безусловно можно расценить как поддержку Ахмадинежада и осуждение его главного соперника Рафсанджани: «Лично я хотел бы, чтобы в президенты выбрали человека, чья главная задача — служение народу... который верен идеалам нашей революции и исламской системе, который на деле готов вершить справедливость и бороться с коррупцией. Я обращаюсь с молитвой к всевышнему Аллаху направить наш народ так, чтобы он проголосовал за

мнение и то политическое и экономическое давление, которое навлекла на Иран его политика. Хаменеи публично защищал его так, как никогда не защищал Хатами: «Лозунги и планы нового правительства, а также глубокая связь президента Махмуда Ахмадинежада с народом подняли моральный дух нашего общества и внушили иранцам надежду и оптимизм. Сегодня у иранцев меньше поводов для жалоб на работу правительственных учреждений, и не потому, что все проблемы решены, но потому, что теперь люди стали более оптимистично смотреть в будущее, и потому, что они видят, что во многих сферах ситуация улучшается»¹⁵.

И хотя позднее Хаменеи перестал публично одобрять деятельность Ахмадинежада, тем не менее во многих отношениях Ахмадинежад по-прежнему соответствует образу идеального президента, как его представляет себе Хаменеи. Ахмадинежад почтительно относится к Хаменеи и его политической власти; на фоне Ахмадинежада голос Хаменеи — это умеренный голос разума. Более того, нарастающее политическое и общественное

недовольство, связанное с деятельностью Ахмадинежада на посту президента, еще больше поднимает авторитет Хаменеи.

Революционные добродетели и внешняя политика

Однако между декларируемыми Хаменеи революционными идеалами и реальной внешней политикой Ирана существует большой разрыв. В связи с этим среди обозревателей возникают споры о том, определяется ли внешняя политика Ирана идеологией или все же тщательно рассчитанными национальными интересами. Существуют аргументы, свидетельствующие в пользу и того и другого утверждения. Такие понятия, как справедливость, мусульманская солидарность и независимость, широко используются для поддержки палестинцев, но в то же время из-за опасения посориться с Россией чеченская проблема последовательно замалчивалась. Когда нужно поддержать ХАМАС и «Хезболлу», вспоминают о мусульманском единстве. Однако в войне против мусульманского (более того, шиитского) Азербайджана Иран поддерживал христианскую Армению. Иран ругает Соединенные Штаты за их «безбожность» и безнравственность и в то же время налаживает тесные связи с социалистическими правительствами Кубы и Венесуэлы.

В качестве Высшего руководителя Хаменеи стремится продолжать внешнюю политику Хомейни; он не отказывается от прошлого и не выдвигает собственные инициативы. Но в некоторых случаях он готов предоставить другим большую свободу при выборе политических решений. Так, при Рафсанджани произошло сближение с Саудовской Аравией, правительство которой Хомейни клеймил как воплощение «зла»; при Хатами потеплели отношения с европейскими странами. Однако Хаменеи отказывается пересмотреть фундаментальные

основания внешней политики Ирана времен революции: это враждебное отношение и противодействие Соединенным Штатам и Израилю.

За время, прошедшее после революции, внешняя политика Ирана значительно изменилась, но идеологическая доктрина Исламской Республики по-прежнему основана на трех принципах: женщины обязаны закрывать лицо (носить хиджаб), а Соединенные Штаты — противник Ирана, то же самое можно сказать об Израиле. Отказ от этих принципов поставил бы под сомнение сам смысл существования исламской системы и размыл бы границы между идеологией режима и его реальными интересами.

АМЕРИКА: НЕНАВИСТНЫЙ И ОПАСНЫЙ ВРАГ

Презрение к Соединенным Штатам является давней и последовательной позицией Хаменеи. В своих выступлениях на протяжении вот уже трех десятилетий он (сначала как президент, затем как Высший руководитель) крайне редко, по крайней мере публично, положительно отзывался о США или говорил о возможности восстановления отношений с американским правительством. Наоборот, какова бы ни была тема его выступления — внешняя политика, сельское хозяйство или образование, — он искусно связывал обсуждаемый предмет с жестокостью, алчностью и злонамеренными замыслами государства, которое он обвиняет в «глобальном высокомерии».

С приходом администрации Джорджа Буша-младшего, американо-иранские отношения, несомненно, стали еще более враждебными. В Вашингтоне иранский режим называют частью «оси зла», в ответ на это Хаменеи называет США «воплощением дьявола». Но вообще враждебность Хаменеи к Соединенным Штатам была совершенно очевидна с первых дней исламской революции. Тому было несколько причин, как историче-

ских, так и напрямую связанных с современностью: Вашингтон поддерживал правительство шаха, Израиль, а также Саддама Хусейна во время ирано-иракской войны; Вашингтон отказался признать Исламскую Республику и вмешивался в ее внутренние дела; и наконец, важным фактором было военное присутствие США в Персидском заливе и их предполагаемое стремление к мировой гегемонии.

Однако, хотя близкие к Хаменеи лица говорят о его глубоком недоверии к намерениям США, их мнения о готовности Хаменеи к сближению с Вашингтоном расходятся. Одни утверждают, что его враждебность зиждется на идеологических основах и что Хаменеи согласен с изречением Хомейни, что единственно возможные отношения между Соединенными Штатами и Ираном — это отношения «волка и овцы». Иногда то, что Хаменеи говорит об Америке и Иране, поразительно напоминает высказывания сторонников жесткой линии в Вашингтоне, которые считают, что идеологии США и Ирана диаметрально противоположны, а потому обречены на неизбежную конфронтацию.

Но среди тех, кто хорошо знаком с Хаменеи, есть и другая точка зрения: они полагают, что он стремится к взаимопониманию и нормализации отношений с Соединенными Штатами, но убежден в том, что именно Вашингтон идеологически настроен против Ирана, а не наоборот. Хаменеи часто подчеркивает, что США противостоят Ирану не из-за внешней политики Тегерана (ядерные амбиции, неприятие Израиля и поддержка «Хезболлы»), а оттого, что Иран занимает стратегическое положение и обладает энергетическими ресурсами, которые, по мнению Вашингтона, представляют слишком большую ценность, чтобы их контролировало независимое исламское правительство. «[Иран] привлекает внимание этой высокомерной и агрессивной державы

по нескольким причинам. Прежде всего, Иран богат природными ресурсами, такими, как газ и нефть. Во-вторых, Иран занимает важное географическое положение — у него длинная береговая полоса в Персидском и Оманском заливах, для западных стран Иран служит главными воротами в Центральную Азию... Однако основная причина враждебности США к Ирану — это исламская сущность нашей системы, а также тот факт, что она направлена против насилия, подавления, диктатуры, а также политической, экономической и культурной зависимости от других»¹⁶.

Хаменеи уверен, что идеологическая и стратегическая цель Вашингтона состоит в том, чтобы вернуться к отношениям «патрон — клиент», которые связывали США и Иран в шахские времена: «Американское правительство все еще испытывает ненасытную алчность и стремится к господству над нашей страной. США до сих пор мечтают о возобновлении господства над Ираном, которое причинило нам столько вреда... Они все еще грезят о тех временах, когда глава нашего государства, а именно продажный изменник Мохаммед Реза [Пехлеви], не принимал ни одного решения без консультации с официальным Вашингтоном»¹⁷.

То, как Хаменеи трактует намерения США, оказывает влияние на внешнюю и внутреннюю политику Ирана в двух важных направлениях.

Во-первых, поскольку Хаменеи уверен, что целью американской политики по-прежнему является изменение режима, а не изменение его поведения, он твердо стоит на том, что никакие компромиссы с Вашингтоном, несмотря на его давление и запугивание, невозможны, — любые уступки будут истолкованы как знак слабости, а это приведет к еще большему давлению со стороны США. «Используя давление и запугивание, они всегда будут требовать уступок, и мы шаг за шагом будем вынуждены отказываться от

наших ценностей и принципов! Давление и запугивание со стороны США прекратятся лишь тогда, когда иранские официальные лица заявят, что они готовы отказаться от ислама и народного правления в Исламской Республике, а Соединенные Штаты могут поставить у власти в этой стране того, кого они пожелают!»¹⁸.

В таком контексте, несмотря на обращение в Совет Безопасности ООН, ужесточение санкций и военные угрозы со стороны США, подход иранского руководства к

“Хаменеи уверен, что враждебное отношение Вашингтона относится к самому факту существования Исламской Республики”.

ядерной проблеме не смягчился, а стал еще более жестким. По словам Хаменеи, это продуманная стратегия. «Права нельзя получить упрасивя кого-то. Если вы просите, уступаете, проявляете уступчивость, высокомерные державы выдвинут еще более серьезные угрозы»¹⁹.

Во-вторых, поскольку Хаменеи уверен, что враждебное отношение Вашингтона относится к самому факту существования Исламской Республики, противодействие США является важнейшим приоритетом иранской внешней политики — даже более важным, чем сегодняшние национальные интересы Ирана. Такая установка побуждает Тегеран искать неожиданных союзников в отдаленных регионах планеты, таких, как Венесуэла и Беларусь. Тегеран предлагает поддержку группировкам, с которыми его практически ничто не объединяет — кроме вражды к Соединенным Штатам, среди них суннитское фундаменталистское движение «Талибан» в Афганистане (против которого десять лет назад Иран сам едва не начал войну)²⁰.

Несмотря на глубокое недоверие Хаменеи к Соединенным Штатам и цинизм админи-

страции Буша, в позиции Хаменеи тем не менее можно обнаружить проблески прагматизма.

Из недавних примеров можно привести заявление Хаменеи, сделанное им в начале 2008 года. Возможно, это наиболее серьезное высказывание Высшего руководителя, касающееся перспектив американо-иранских дипломатических отношений. Хаменеи полностью исключил самую возможность контактов с администрацией Буша, но при этом не исключил того, что в будущем могут

произойти изменения: «Прекращение связей с Америкой лежит в основе нашей политики. Однако мы никогда не говорили, что наши отношения разорваны навсегда... Нынешнее американское правительство таково, что любые контакты с ним окажутся вредными для нашей страны, а потому мы не хотим налаживать отношения... Любые связи дадут американцам возможность проникать в нашу страну, откроют путь разведывательным службам и шпионам... В настоящее время отношения с Америкой не принесут пользу народу Ирана. Но нет сомнений в том, что в тот момент, когда отношения с Америкой окажутся полезны иранцам, я первым стану поддерживать их развитие»²¹.

Хаменеи трудно преодолеть глубокое недоверие, которое он испытывает к администрации Буша, и личную враждебность к американскому президенту. Но при этом его выступления отражают растущую уверенность иранского руководства в том, что американские внешнеполитические круги признают, что американцы сталкиваются со значительными трудностями в Ираке, что Иран играет роль незаменимого государства

на Ближнем Востоке и достиг значительно-го прогресса, и вынуждены согласиться с легитимностью правительства Исламской Республики. Хаменеи дает понять, что он готов рассматривать вопрос об отношениях с Америкой, если она будет исходить из этих реалий.

СЕКРЕТНЫЕ ЗАМЫСЛЫ ВАШИНГТОНА В своих выступлениях Хаменеи уделяет большое внимание тайным планам врагов, стремящихся разрушить Исламскую Республику, — не меньшее, чем обсуждению национальных интересов

ние гегемонии США над Ираном: «...Страны-колонизаторы... нашли новый способ господствовать над другими странами: путем воздействия на народы, проживающие в этих странах. Этот новый метод я называю пост-модернистским колониализмом... В современную эпоху постмодернистского колониализма высокомерные державы стремятся влиять на другие нации, используя своих агентов, финансовые ресурсы, пропагандистские методы и разнообразные соблазны»²².

Согласно информации, поступающей от приближенных к Хаменеи людей, руково-

“В 2000 году Хаменеи выступил с речью, в которой он объяснял, как американское правительство будет добиваться того, чтобы Иран повторил судьбу СССР”.

Ирана. Он считает, что план американского правительства предполагает два варианта: либо довести Иранскую Республику до состояния глубокого упадка, чтобы она просто развалилась и перестала существовать, как Советский Союз, либо чтобы она пошла по пути «бархатных революций» Восточной Европы, то есть чтобы в стране произошли стремительные изменения, инициированные «прозападными» интеллектуалами.

Основываясь на своем понимании вашингтонской политики холодной войны, Хаменеи опасается не военного нападения США, а политического и культурного наступления, направленного на раскол политической элиты страны. Подобное вмешательство имеет целью распространение «западной безнравственности» и культурного влияния, с тем чтобы подорвать основы традиционного иранского общества, вызвать в народе разочарование в исламской системе и разжечь межэтнические и межконфессиональные конфликты. По мнению Хаменеи, тактика Вашингтона может меняться, однако неизменна стратегия, направленная на установле-

дитель потратил много времени на анализ внутренних условий, которые привели к распаду Советского Союза и Восточного блока, а также тактики, которую применяли США для ускорения этого распада. В 2000 году (в то время многие обозреватели сравнивали президента Хатами с Михаилом Горбачёвым) Хаменеи выступил с удивительно откровенной речью, в которой он изложил свои представления о том, как американское правительство будет добиваться того, чтобы Иран повторил судьбу Советского Союза: «...Я пришел к выводу, что Соединенные Штаты разработали детальный план, целью которого является ликвидация исламской системы. Этот план подобен тому, который привел к краху бывший Советский Союз. Руководство США намеревается реализовать такой же план в Иране. В их эгоистичных и зачастую неосмотрительных высказываниях, сделанных в последние несколько лет, достаточно свидетельств того, что именно в этом и состоит их задача. Однако в своих расчетах враг допустил несколько ошибок... Первая ошибка в том, что Хатами — это не Горбачёв.

Вторая ошибка в том, что ислам — это не коммунизм. Третья ошибка в том, что народное правление Исламской Республики — это не режим диктатуры пролетариата. Четвертая ошибка в том, что объединенный Иран, в отличие от бывшего Советского Союза, не состоит из отдельных республик. И наконец, еще одна ошибка в том, что они недооценивают ключевую роль религиозного и духовного руководства в Иране»²³.

Советский Союз испытывал давление со стороны республик, которые уже не хотели быть в составе СССР; и Хаменеи считает, что Соединенные Штаты пытаются запустить схожий процесс в Иране и с этой целью провоцируют беспорядки на этнической и религиозной почве внутри страны и поддерживают этнические сепаратистские группы в иранском Белуджистане, Хузестане и Курдистане. «Чтобы подорвать наше национальное единство, Вашингтон стремится создать политические, религиозные и этнические барьеры между различными группами и слоями иранского общества»²⁴.

Стоит, однако, заметить, что многие методы, которые, как утверждает Хаменеи, Соединенные Штаты используют для продвижения своих интересов в Иране — пропаганда, «мягкая сила», культурное влияние, — очень похожи на те, в использовании которых на Ближнем Востоке арабские страны обвиняют сам Иран.

Создание государства Израиль — высшая несправедливость

Примечательно, что тема, которая в течение двух последних десятилетий громче всего звучит в выступлениях Хаменеи — а именно палестино-израильский конфликт, — никак не связана с повседневной жизнью иранцев. Арабских руководителей нередко обвиняют в том, что они используют палестинский вопрос просто как повод для жестких заявлений, цель которых немного успокоить стра-

сти в собственной стране. Но политическое руководство Ирана ведет себя совершенно иначе. Несмотря на то что «иранская улица» не слишком активно обсуждает палестинскую проблему (ибо Иран — не арабская страна, у него нет никаких территориальных или пограничных споров с Израилем, здесь нет проблемы палестинских беженцев; более того, в Иране проживает самая многочисленная еврейская община на Ближнем Востоке, не считая Израиля), иранские руководители, особенно Хаменеи, неизменно с маниакальностью декларируют свое глубокое презрение к еврейскому государству.

Некоторые иранские обозреватели склонны рассматривать воинственный тон Исламской Республики по отношению к еврейскому государству не как проявление идеологического противостояния, а скорее как элемент стратегии, цель которой сделать шиитско-персидский Иран господствующей державой на Ближнем Востоке, где большинство составляют арабы-сунниты. После рево-

Хаменеи о Палестине

«**В** палестинском вопросе мы занимаем справедливую и логичную позицию. Несколько десятилетий назад египетский государственный деятель Гамаль Абдель Насер выдвинул лозунг о том, что египтяне должны сбросить в море узурпаторов Палестины. Спустя несколько лет Саддам Хусейн, ненавистная фигура для всего арабского мира, заявил, что он спалит половину палестинской земли. Мы полагаем, в соответствии с нашими исламскими принципами, что в сбрасывании евреев в море — как в сжигании палестинской земли — нет ни логики, ни смысла. Наша позиция состоит в том, что палестинскому народу должны быть возвращены его права. Палестина принадлежит палестинцам, и судьбу Палестины должен решать палестинский народ».

Обращение Хаменеи к религиозным деятелям в Куме, июнь 2006 года.

люции некоторые иранские руководители (наверное, к ним можно отнести и бывшего президента Рафсанджани) стали уделять меньше внимания палестинской проблеме. Но Хаменеи демонстрирует неослабевающую ненависть к «сионистскому образованию». И если в высказываниях Хаменеи, когда речь идет о возможности нормализации отношений с Соединенными Штатами, все же иногда (хотя и редко) звучит некоторая неоднозначность, то его неприятие Израиля лишено всякой двусмысленности. Многие из тех, кто внимательно следит за развитием американо-иранских отношений, считают, что главным препятствием для нормализации является именно непримиримая позиция Ирана по Израилю. Хаменеи этот аргумент известен, и он с ним согласен. Однако идти на уступки он не готов: «Нелепые обвинения, например, в том, что [в Иране] нарушаются права человека, или попытки обнаружить оружие массового поражения являются лишь пустыми декларациями, истинная цель которых — оказать давление на Исламскую Республику. Дескать, если Иран прекратит поддерживать народы Палестины и Ливана, Соединенные Штаты тоже изменят свое враждебное отношение к Исламской Республике... Мы рассматриваем поддержку палестинского и ливанского народов как наш важнейший мусульманский долг. Вот почему Вашингтон использует все рычаги давления на Исламскую Республику с целью заставить нас прекратить эту поддержку»²⁵.

Хаменеи мало говорит о перспективах палестинской государственности и много о «преступном» поведении «злокозненных сионистов», и не только на Святой земле, но и по всему миру. Он вполне открыто заявляет, что он против мирных переговоров.

Однако наряду с этим Хаменеи приложил серьезные усилия, чтобы скорректировать контекст заявлений президента Ахмадинежада о том, что Израиль следует

«стереть с карты мира». Он постоянно подчеркивает, что целью Ирана является не военное уничтожение еврейского государства или еврейского народа, а победа над сионистской идеологией и исчезновение Израиля в результате «народного референдума»: «Существует только одно решение палестинской проблемы, решение, которое мы предложили несколько лет назад. Нужно провести референдум с участием всех коренных палестинцев, включая мусульман, иудеев и христиан, а также тех палестинцев, которые живут на оккупированных территориях и за их пределами. Правительство, которое придет к власти по результатам референдума, независимо от того, будет ли оно мусульманским, христианским, еврейским или коалиционным, будет опираться на волю палестинского народа. Такое правительство будет приемлемым, и именно оно решит проблему Палестины. Без этого уладить палестинскую проблему невозможно»²⁶.

Возможно, Хаменеи смягчит свою позицию по Израилю, но только в том случае, если сами палестинцы подпишут мирный договор с Израилем. Однако поскольку одной из целей недавних попыток провести мирные палестино-израильские переговоры была изоляция Ирана, Тегеран был заинтересован в том, чтобы их сорвать. При подготовке к конференции в Аннаполисе в ноябре 2007 года²⁷ Хаменеи энергично поддерживал ХАМАС и призвал арабские страны бойкотировать конференцию, утверждая, что «главной целью этого мирного саммита является спасение сионистского режима».

АВАНГАРД ИСЛАМСКОГО МИРА После провозглашения Исламской Республики в 1979 году аятолла Хомейни вообразил, будто его революционное видение исламской справедливости распространится за пределы Ирана по всему арабскому и — шире — мусульманскому миру. После смерти Хомейни иранская внеш-

няя политика стала менее революционной и более прагматичной, однако и под руководством Хаменеи Иран по-прежнему претендует на роль лидера на Ближнем Востоке (подробно см. об этом статью А. Лукоянова в этом номере *Pro et Contra*, с. 57–69).

Стратегия Хаменеи по усилению регионального влияния Ирана имеет три важных составляющих. Первая – пропаганда идеи, что у Ирана и остального мусульманского мира одинаковые интересы и одни и те же враги. Так, чтобы смягчить обеспокоенность

стране провести референдум, люди проголосуют за тех, кто поддерживает ислам, свою национальную идентичность и противостоит Соединенным Штатам»²⁹.

Подобно многим обозревателям, специализирующимся по Ближнему Востоку, Хаменеи считает, что Иран выполняет роль катализатора «исламского пробуждения». Он уверен, что «мягкая сила» Ирана – его идеология и то, каким Иран видит будущее Ближнего Востока, – созвучна чаяниям подавляющего большинства «арабской улицы»

“В глазах Хаменеи лучшим способом распространения влияния Ирана в регионе являются, как ни парадоксально, демократические выборы”.

арабских стран по поводу ядерных амбиций Ирана, Хаменеи часто повторяет, что успехи Ирана в этой области принадлежат всему мусульманскому миру. Одновременно он дает понять, что арабам не стоит вступать в сговор с Соединенными Штатами против Ирана. «Любой успех, достигнутый иранской нацией, приносит славу и уважение всей мусульманской умме. Точно так же любое зло, причиненное врагами нашей исламской системе, вредит интересам всего исламского мира»²⁸.

Второй компонент – это убеждение в том, что лучшим способом распространения влияния и власти Ирана в регионе являются, как ни парадоксально, демократические выборы. Впечатляющие результаты, которых добились на выборах ХАМАС в Палестине, «Хезболла» в Ливане, «Братья-мусульмане» в Египте, а также шиитские единоверцы Ирана в Ираке, в глазах Ирана суть свидетельство того, что их исламские друзья выигрывают сражение за сердца и умы людей в регионе, тогда как ориентированные на Запад либералы отступают. Хаменеи часто заявляет: «Если в любой исламской

и вообще мусульманского мира. И в таком контексте принципиальный отказ от соглашения с Соединенными Штатами и Израилем, несомненно, оказывается полезным: «По исламскому миру идет волна исламского возрождения; мусульманские народы проявляют активное стремление вернуться к исламу и придерживаться этой возвышенной религии. Это пробуждение вызвано великой исламской революцией иранского народа под руководством нашего покойного великодушного имама... Подобно аромату весенних цветов, который разносит легкий ветерок, наша исламская революция достигла каждого уголка исламского мира и принесла исламское возрождение мусульманским народам»³⁰.

Третий компонент стратегии, который Хаменеи использует для того, чтобы утвердиться в качестве доминирующей силы в регионе, – сочетание политического и культурного влияния с созданием нерегулярных военизированных образований (например, ополченцев «Басидж»). Это существенно расширяет влияние Ирана в сфере региональной политики и безопасности. По мнению Хаменеи, без участия Ирана

невозможно ни обсуждение, ни решение ни одной из важных проблем Ближнего Востока и мусульманского мира, будь то Ирак, Афганистан, Ливан, безопасность Персидского залива, арабо-израильский мирный процесс, — несмотря на то, что во всех этих районах военная мощь США и Израиля несравненно больше, чем то, что есть у Ирана: «Сейчас статус иранского государства... настолько высок, что роль Ирана в решении региональных проблем стала решающей. Это понимают даже сами надменные державы, которые признают, что

районах³². Более того, непримиримая позиция Ирана по отношению к Соединенным Штатам и Израилю укрепляет уверенность Хаменеи в том, что и в суннитском арабском мире простые люди тоже одобряют и лидерство Ирана, и персональную роль аятоллы как лидера страны.

ЯДЕРНАЯ ПРОГРАММА КАК СИМВОЛИЧЕСКОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ИСЛАМСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В представлении Хаменеи в ядерной программе воплотились главные лозунги революции: борьба за независимость, несправедливость иностранных

“В идеале, Хаменеи представляет себе Иран как страну, где научно-технический прогресс является залогом самодостаточности”.

важные проблемы Ближнего Востока нельзя решить без сотрудничества с Ираном и без его помощи, что нужно слушать и учитывать мнение иранского народа»³¹.

Примечательно, что в соответствии с амбициями Ирана как государства на официальном сайте Хаменеи его называют не «Высший руководитель Ирана», а «Высший руководитель мусульман». Еще несколько лет назад подобные притязания казались нереалистичными, однако вторжение США в Ирак невольно повысило не только авторитет Ирана в регионе, но и самого Хаменеи. По сравнению с Хаменеи многие традиционно сдержанные иракские духовные лица (например, уроженец Ирана аятолла Систани) лучше образованны и имеют больше религиозных последователей, но сейчас по силе влияния в шиитском мире Хаменеи просто нет равных, прежде всего благодаря громадным деньгам, которые Иран направляет в религиозные благотворительные организации и иные учреждения Ирака, а также финансовой поддержке духовного руководства в Неджефе и других шиитских

государств, неуклонное стремление к самодостаточности и исламская традиция уважения к науке. На протяжении многих лет, предшествовавших обнародованию ядерных амбиций Ирана в 2002 году, Хаменеи постоянно подчеркивал важность научно-технического прогресса для будущего Ирана и часто заявлял, что главным приоритетом страны является преодоление «научной отсталости»³³.

Хаменеи считает, что существует прямая зависимость между научными достижениями, самодостаточностью и политической независимостью. В идеале, он представляет себе Иран как страну, где научно-технический прогресс является залогом самодостаточности, самодостаточность обеспечивает экономическую независимость, а экономическая независимость создает основу для независимости политической. Он глубоко убежден, что Соединенные Штаты противодействуют ядерным амбициям Ирана не из-за угрозы распространения оружия массового поражения, а оттого, что в перспективе оно способствует укреплению независимости Ирана и его экономической мощи: «Они про-

тивостоят прогрессу и развитию иранского государства. Они не хотят, чтобы на Ближнем Востоке, где находятся основные мировые запасы нефти и который является одним из наиболее сложных регионов мира, независимая исламская страна шла по пути научного прогресса и обладала передовыми технологиями... “Мировой надменности” трудно примириться с тем, что талантливый иранский народ способен добиваться больших успехов в науке и технологиях, особенно в ядерной технологии. Они хотят, чтобы энергетика Ирана всегда зависела от нефти, ибо нефтяная сфера зависит от политики мировых держав. Они стремятся управлять другими народами, связав их невидимыми путями»³⁴.

В речах Хаменеи неизменно звучит глубокая убежденность в собственной правоте. Хотя его заявления не всегда отражают реальность, он верит в то, что говорит. Но когда в вопросе об экономической эффективности и истории иранской ядерной программы Высший руководитель Ирана или намеренно обманывает иранский народ, чтобы усилить свой тезис о независимости и самодостаточности, или его неправильно информируют, это весьма опасно.

Так, известные физики-ядерщики подсчитали, что если Иран откажется от собственной программы по обогащению урана и будет импортировать обогащенный уран из-за границы, экономия составит миллиарды долларов. Но Хаменеи постоянно твердит об экономических выгодах от самостоятельного обогащения и реализации полного ядерного топливного цикла. И хотя МАГАТЭ подтвердила, что приобретение и монтаж важнейшей ядерной инфраструктуры и ее компонентов в Иране осуществлялись при содействии сети Кхана³⁵, России и Китая, Хаменеи тем не менее утверждает следующее: «...Ни одна страна не оказывала нам никакой технической помощи. Все, что у нас есть, мы разра-

батываем сами. Мы хотим сами производить топливо для нашей атомной электростанции, а не закупать его в других странах. Западные страны настаивают, чтобы мы не производили ядерное топливо для электростанции в Бушере. Они говорят, что если мы будем покупать у них необходимое нам ядерное топливо, мы сможем построить в Иране больше атомных электростанций!»³⁶.

Трудно сказать, сам ли Хаменеи намеренно дезинформирует общественность, или же советники намеренно представляют ему неточные сведения. Согласно информации, появившейся после визита в Иран президента России Владимира Путина в октябре 2007 года, Путин был поражен, услышав от Хаменеи, что тот впервые слышит обо всех подробностях российского компромиссного предложения³⁷ по ядерной проблеме, хотя в течение года это предложение было предметом публичного обсуждения. Учитывая стиль руководства Хаменеи, характеризующийся большим вниманием к деталям, трудно представить себе, что он действительно настолько плохо информирован по столь важному вопросу.

ВОЙНА В ИРАКЕ И РЕЛИГИОЗНАЯ РОЗНЬ Для Хаменеи американское вторжение в Ирак в 2003 году могло иметь две совершенно разные трактовки. Во-первых, он мог рассматривать ее с точки зрения руководителя, чья страна потеряла полмиллиона жизней в результате агрессии Саддама Хусейна; вторая интерпретация определялась тем, что Хаменеи является правителем страны, само существование которой находится под угрозой со стороны Соединенных Штатов. В соответствии с революционной традицией Хаменеи направил весь свой гнев и тревогу на Вашингтон; даже трудности, с которыми США столкнулись в Ираке, он считает неотъемлемой частью американской стратегии, имеющей целью завоевание господства на Ближнем Востоке.

Нынешняя ситуация, сложившаяся в Ираке, исключительно выгодна для Ирана: у власти находятся главные союзники Ирана (шииты), тогда как главные соперники несут громадные человеческие и материальные потери. Тем не менее Хаменеи с самого начала крайне резко высказывался против войны. Его злоешие предсказания относительно того, что ждет Америку в Ираке, сделанные перед началом войны, оказались на удивление точными: «Нет никаких сомнений в том, что любая военная операция США в этом регионе принесет большую беду: будет разрушено множество домов, погибнет множество невинных людей. Но ясно также и то, что агрессор завязнет в этой трясины и это ускорит его крах»³⁸.

В многочисленных речах, произнесенных перед вторжением США в Ирак, Хаменеи предостерегал, что «нападение на Ирак под предлогом борьбы с терроризмом на самом деле означает, что Соединенные Штаты стремятся поставить под свой контроль нефтяные месторождения Ирака, господствовать на Ближнем Востоке и защитить сионистское образование»³⁹. Если выбирать из двух зол, Хаменеи предпочитал режим под руководством Саддама возможной альтернативе в виде проамериканского марионеточного правительства, симпатизирующего Израилу и враждебного Ирану.

Исходя из представлений Хаменеи о том, какие именно цели ставили перед собой Соединенные Штаты, для сохранения нынешнего режима Ирану необходимо активно отстаивать свои интересы в Ираке и противодействовать интересам США. Как и официальные лица в самой Америке, Хаменеи считал и считает, что Ирак — это главное поле битвы между Соединенными Штатами и Ираном за сердца и умы арабов и мусульман. Хаменеи полностью отдает себе отчет в том, что в чисто военной области Иран не может соперничать с США; поэтому

он постоянно повторяет, что самым главным оружием Ирана в борьбе против империализма США является ислам: «В противостоянии между сущностью ислама и сущностью, воплощенной в надменных державах, ислам одерживает верх»⁴⁰.

Поскольку США не способны предложить альтернативу исламу, которая была бы привлекательна для масс, Хаменеи считает, что Вашингтон провоцирует акты насилия на религиозной почве, которые помимо всего прочего служат и оправданием американского военного присутствия в Ираке. «Нынешние убийства в Ираке совершаются разведывательными службами США и сионистов, ибо отсутствие безопасности обеспечивает повод для продолжения оккупации Ирака»⁴¹.

Поскольку Хаменеи убежден, что в отношении исламского мира США реализуют циничный принцип «разделяй и властвуй», одной из важнейших тем, постоянно повторяющихся в его политическом дискурсе, является мусульманское единство. Кое-где на Западе и даже в арабском мире считают, что Иран стремится вызвать религиозные столкновения между суннитами и шиитами в Ираке, Ливане и зоне Персидского залива. На самом деле это не так. Иран преследует совсем другую цель. Иран претендует на роль доминирующего игрока на Ближнем Востоке, а численность шиитов составляет менее десяти процентов всего мусульманского населения в этом регионе: из этого следует, что религиозные беспорядки только вредят Ирану, который намерен стать панисламской (а не только шиитской) державой. Равным образом они не на пользу Хаменеи, который претендует на статус лидера всех мусульман: «Как только в Иране победила исламская революция, надменные державы стали изображать нашу революцию как шиитскую революцию... [но] если бы наша революция действительно была шиитской,

мы бы оказались отделены от исламского мира и не имели бы с ним ничего общего. А исламский мир ничего общего не имел бы с нами, хотя и не проявлял бы враждебности к нашей революции. Однако исламский мир понял, что наша революция — это исламская революция».

Хаменеи осторожно убеждает арабских руководителей из числа союзников Соединенных Штатов, которые (например, король Иордании Абдалла) говорят об опасности господства «шиитского полумесяца» или заявляют (например, президент

у него недостаточно сил, чтобы возглавить оппозицию. После того как президентом стал Ахмадинежад, большое внимание привлек к себе сторонник жесткой линии аятолла Мисбах Язди, советник Ахмадинежада по религиозным вопросам, который мог бы стать преемником Хаменеи или даже перехватить у него лидерство и занять его пост. Однако его проигрыш Рафсанджани на выборах в Собрание экспертов в октябре 2006 года практически перечеркнул его шансы (Собрание экспертов имеет конституционное право назначать Высшего руководителя).

“Ситуация, сложившаяся в Ираке, исключительно выгодна для Ирана: у власти находятся **главные союзники Ирана, а главные соперники несут громадные потери”.**

Египта Мубарак), что арабские шииты более лояльны к Ирану, нежели к собственной стране. Он напоминает, что Иран, и это широко известно, поддерживает и суннитские исламистские движения, такие, как ХАМАС, и шиитские организации, такие, как «Хезболла». Более того, Хаменеи хочет убедить арабских руководителей в том, что у Ирана нет никаких территориальных амбиций или планов достижения гегемонии в арабском мире и что к нему следует относиться как к старшему брату, а не как к противнику.

СОПЕРНИКИ ВЫСШЕГО РУКОВОДИТЕЛЯ И БУДУЩЕЕ ИРАНА ПОСЛЕ ХАМЕНЕИ Неофициально высшее духовное руководство в Куме может пренебрежительно относиться к достоинствам Хаменеи как религиозного деятеля, однако никто не оспаривает его лидерство. Великий аятолла Монтазери, некогда считавшийся наиболее вероятным преемником Хомейни, по-прежнему позволяет себе замечания, в которых можно обнаружить критику лидерства Хаменеи, но ему самому уже 85 лет, и

Единственный человек в Исламской Республике, которого можно рассматривать в качестве потенциального политического соперника Хаменеи, это Рафсанджани, про которого часто говорят, что по своему влиянию он уступает только самому Высшему руководителю. История их знакомства восходит к 1960-м годам, когда оба учились в Куме у Хомейни и были политическими активистами, участниками борьбы против правительства шаха. При шахском режиме каждый из них провел по нескольку лет в тюрьме, а после революции, благодаря близости к Хомейни, они оба совершили головокружительный взлет на руководящие посты. В 1980-х годах, когда спикером парламента был более влиятельный Рафсанджани, а президентом — Хаменеи, их считали «прагматичными» союзниками, совместно выступающими против более радикальных элементов в новом революционном правительстве.

Однако в последние десять лет их соперничество, а также расхождения по проблемам внутренней и внешней политики становятся все более очевидными. Рафсанджани

много говорит о своем желании улучшить американо-иранские отношения, сделать экономику открытой и смягчить социальные ограничения в Исламской Республике, тогда как Хаменеи по всем направлениям занимает жесткую позицию. Рафсанджани активно способствовал назначению Хаменеи на должность Высшего руководителя, и сейчас главенствующее положение Хаменеи вызывает у него плохо скрываемое раздражение.

Когда Мохаммаду Атрианфару, главному советнику Рафсанджани, сказали, что Хаменеи не одобряет выдвижение кандидату-

правой рукой. В Тегеране любят поговорить о том, что Хаменеи в лечебных целях курит опиум (чтобы ослабить боль в парализованной руке). В частном порядке его врачи и советники признают, что Хаменеи уже давно испытывает приступы депрессии. Некоторые считают, что этим объясняются его неспособность принимать трудные решения и желание просто сохранять статус-кво.

Сравнительно недавно в Иране среди инсайдеров пошли разговоры о том, что Хаменеи лечится от рака предстательной железы. В прошлом году эти слухи усилились,

“В Тегеране активно обсуждается вопрос о том, кто будет преемником Хаменеи и вообще сохранится ли институт Высшего руководителя”.

ры Рафсанджани на президентских выборах 2005 года, он резко ответил: «Рафсанджани — один из столпов нашей революции, и ему не нужно спрашивать ничьих разрешений»⁴². В этом смысле весьма примечательны слова, сказанные сыном Рафсанджани в беседе с американским журналистом, состоявшейся перед июньскими президентскими выборами 2005-го. Он сообщил, что если отца выберут в президенты, он внесет изменения в конституцию, с тем чтобы уменьшить власть Хаменеи и свести полномочия Высшего руководителя до церемониальной роли «английской королевы». Однако Рафсанджани потерпел унижительное поражение от Ахмадинежада, и превосходство Хаменеи стало неоспоримым.

Однако, по имеющимся сведениям, главным препятствием для того, чтобы Хаменеи и дальше оставался на посту Высшего руководителя, является его слабое здоровье. Хаменеи выглядит старше своих 68 лет, и сообщения о его плохом здоровье периодически появляются начиная с 1981 года, когда в результате покушения он перестал владеть

когда Хаменеи в течение несколько недель не появлялся на людях, а потом во время выступления по иранскому телевидению выглядел бледным, кутался в одеяло и говорил охрипшим голосом. Государственные средства массовой информации тогда впервые затронули тему здоровья Высшего руководителя, заявив, что Хаменеи всего лишь переболел «сильным гриппом». Тем не менее, что бы ни утверждали слухи, в последующие месяцы появления Хаменеи на публике не дали дополнительных оснований предполагать, что его здоровье под угрозой.

Каким бы ни было состояние здоровья Хаменеи, в Тегеране активно обсуждается вопрос о том, кто будет его преемником и вообще сохранится ли институт Высшего руководителя. Если исходить из критериев, которым должен удовлетворять кандидат на пост руководителя (для этого достаточно быть духовным лицом среднего ранга, которое обладает «соответствующими политическими и управленческими навыками»), то на эту должность могут претендовать лишь очень небольшое число кандидатов.

Если допустить, что Рафсанджани переживет Хаменеи (что весьма сомнительно, притом что он на пять лет старше), тогда именно он станет наиболее подходящим претендентом. Если отвлечься от его пожилого возраста и некоторых, по-видимому, не слишком существенных факторов вроде того, что он не носит бороду и не является потомком пророка (поэтому он носит не черную, а белую чалму), минусом Рафсанджани остается его репутация самого богатого человека в Иране, отчего иранское общество испытывает к нему неприязнь. Но важнее всего все-таки то, что его кандидатура неприемлема для консервативной части политического истеблишмента, то есть для сторонников жесткой линии. Они почти ежедневно нападают на него в своих средствах массовой информации, обвиняя его в коррупции, безнравственности и даже в стремлении заключить секретное соглашение с Соединенными Штатами.

В качестве кандидата, вызывающего меньше разногласий, часто упоминается аятолла Махмуд Хашеми Шахруди, умеренный консерватор и нынешний глава судебной власти Ирана. Шахруди — опытный политик высокого уровня; статус духовного лица дает ему дополнительное преимущество по сравнению с Хаменеи; к нему хорошо относятся как сторонники жесткого курса, так и умеренные. Его главный недостаток, который, правда, может оказаться решающим, заключается в том, что он родился и вырос в Ираке и говорит на фарси с арабским акцентом — поскольку националистические настроения в Иране очень сильны, иранцы могут не принять такого лидера.

Из-за отсутствия у Хаменеи явного преемника все чаще обсуждается возможность замены должности Высшего руководителя консультативным советом (шурой). Идея эта не нова, ее обсуждали и после смерти Хомейни, так как многие считали, что долж-

ность руководителя подобна «платью, сшитому специально по его мерке», только для него. Будучи президентом, Хаменеи однажды сказал в интервью западному журналисту, что никто не сможет сменить Хомейни на посту Высшего руководителя, и предположил, что его властные функции будет выполнять совет из нескольких, от трех до пяти, религиозных руководителей⁴³.

Главный вопрос в том, кого выберут членами шуры. Согласно конституции, процесс их отбора подпадает под юрисдикцию Собрания экспертов, возглавляемой Рафсанджани. В состав Собрания входят 86 духовных лиц, большинство в ней составляют люди консервативного склада, которым сейчас за семьдесят. Реформисты говорят о триумvirате Рафсанджани, Хатами и Мехди Кяруби, духовного лица умеренных взглядов, который в свое время занимал должность спикера парламента и в первом туре июньских выборов 2005 года ненамного отстал от Ахмадинежада. Для сторонников жесткой линии такая «тройка» неприемлема, они предпочли бы консерваторов, таких, как аятолла Мисбах Язди, Шахруди и член Совета стражей Джанати, с которыми не согласятся умеренные.

Помимо того, что в Иране трудно добиться консенсуса по поводу состава консультативного комитета, есть и еще одно весьма существенное препятствие. Дело в том, что замена Высшего руководителя консультативным советом противоречит конституции Исламской Республики, в которой специально оговорено, что Высший руководитель — это одно-единственное лицо. Однако иногда в Иране политическая целесообразность оказывается важнее конституции; в частности, для того, чтобы Хаменеи мог стать руководителем, в конституцию была внесена поправка, которая изменила требования, предъявляемые к кандидату на эту должность.

Борьба за наследование поста Хаменеи может обостриться, а ее результат совершенно непредсказуем; при этом, по иронии судьбы, слабость Хаменеи подтверждает силу Исламской Республики. Его правление свидетельствует о том, что стабильность

Исламской Республики не зависит от наличия в ней популярного харизматического руководителя. В эпоху Хомейни нередко звучали предположения, что его кончина приведет к краху режима. Но в отношении Хаменеи таких предсказаний не слышно. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ *Milani M. The Evolution of the Iranian Presidency: From Bani Sadri to Rafsanjani // British Journal of Middle East Studies. 1993. Vol. 20. No 1.*

² *Milani M. Power Shifts in Revolutionary Iran // Iranian Studies. 1993. Summer/Fall.*

³ *Ibid.*

⁴ Выступление по иранскому телевидению 6 июня 1989 года.

⁵ *Buchta W. Who Rules Iran? The Structure of Power in the Islamic Republic. Wash.; N.Y.: Washington Inst. for Near East Policy, 2000.*

⁶ Речь на инаугурации президента Ахмадинежада 3 августа 2005 года.

⁷ Обращение к иранским и зарубежным гостям 2 июня 1999 года.

⁸ Речь «Реформы, стратегии и проблемы» 10 июля 2000 года.

⁹ Выступление перед кинорежиссерами 13 июня 2006 года.

¹⁰ Речь на дне рождения имама Хуссейна 21 сентября 2002 года.

¹¹ Обращение к профессорам университетов и академической элите 13 октября 2005 года.

¹² Выступление перед жителями Кума 9 января 2006 года.

¹³ Обращение к обслуживающему персоналу военно-воздушных сил 7 февраля 2006 года.

¹⁴ Обращение Высшего руководителя к жителям Кермана 1 мая 2005 года.

¹⁵ Выступление Высшего руководителя перед генерал-губернаторами 27 февраля 2006 года.

¹⁶ Обращение к студентам Университета им. Шахида Бехешти 28 мая 2003 года.

¹⁷ Обращение к сотрудникам Министерства просвещения 17 июля 2002 года.

¹⁸ Обращение к студентам Университета им. Шахида Бехешти 28 мая 2003 года.

¹⁹ *Iran Leader: Won't Beg for Nuke Power // Business Week. 2007. June.*

²⁰ *Wright R. Iranian Flow of Weapons Increasing, Officials Say // Washington Post. 2007. June 3.*

²¹ Обращение к учащимся в Язде 3 января 2008 года.

²² Выступление перед жителями Кума 8 января 2005 года.

²³ Речь «Реформы, стратегии и проблемы» 10 июля 2000 года.

²⁴ Выступление Высшего руководителя на праздновании Дня студента 4 ноября 2002 года.

²⁵ Речь на международной конференции в поддержку интифады 24 апреля 2001 года.

²⁶ Выступление перед сотрудниками судебной системы 28 июня 2005 года.

²⁷ Международная конференция по урегулированию палестино-израильского конфликта в Аннаполисе (штат Мэриленд, США), состоявшаяся 27 ноября 2007 года. В работе форума помимо премьер-министра Израиля Эхуда Ольмерта, главы Палестинской автономии Махмуда Аббаса и президента США Джорджа Буша приняли участие Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун, делегации более сорока стран мира, руководство Лиги арабских государств. — **Прим. ред.**

²⁸ Обращение к иранским и зарубежным гостям 2 июня 1999 года.

²⁹ Выступление перед обслуживающим персоналом военно-воздушных сил 7 февраля 2005 года.

³⁰ Обращение к рабочим и учителям 30 апреля 2003 года.

³¹ Обращение к жителям Ирана из разных социальных слоев 13 декабря 2006 года.

³² Подробнее см.: *Khalaji M. The Last Marja: Sistani and the End of Traditional Religious Authority in Shiism // Washington Inst. for Near East Policy. Policy Focus. No. 59. 2006. Sept.*

³³ Обращение Высшего руководителя к профессорам университетов и академической элите 13 октября 2005 года.

³⁴ Обращение Высшего руководителя к учащимся высших учебных заведений 14 марта 2005 года.

³⁵ Абдул Кадир Кхан (род. 1936) — пакистанский ученый, создатель пакистанской атомной бомбы. Кхан организовал международную сеть, занимавшуюся нелегальной торговлей ядерными технологиями и материалами, которая была раскрыта в 2003 году в ходе расследования МАГАТЭ. В 2004 году ученый передал президенту Первезу Мушаррафу прошение о помиловании и выступил с публичными извинениями по государственному телевидению. Мушарраф даровал Кхану помилование, заявив, что его заслуги перед страной перевешивают его вину. В 2004—2008 годах Кхан находился под домашним арестом (освобожден 21 июля 2008 года). В 2008 году ученый отверг обвинения, сказав, что лишь подчинялся приказам пакистанского руководства. Подробнее о сети Кхана см.: *Nuclear Black Markets: Pakistan*, A.Q. Khan and the Rise of Proliferation Networks / M. Fitzpatrick (ed.). L., 2007.— **Прим. ред.**

³⁶ Обращение Высшего руководителя к инженерам и исследователям 23 февраля 2005 года.

³⁷ Российская сторона предложила Ирану отказаться от планов обогащения урана на своей территории и принять участие в проекте по созданию международного центра на территории России, который будет предоставлять услуги в области ядерного топливного цикла. —

Прим. ред.

³⁸ Речь Высшего руководителя на военно-морской базе Корпуса стражей исламской революции 10 марта 2003 года.

³⁹ Выступление Высшего руководителя в Куме 9 января 2003 года.

⁴⁰ Обращение Высшего руководителя к представителям исполнительной власти и другим официальным лицам Исламской Республики 6 апреля 2007 года.

⁴¹ Заявление Высшего руководителя на пятничной молитве в Тегеране 19 августа 2005 года.

⁴² Интервью, данное автору старшим советником Рафсанджани Мохаммадом Атрианфаром 27 мая 2005 года.

⁴³ См.: *Sciolino E. Persian Mirrors*. N. Y.: The Free Press, 2000. P. 87.